

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В68

Волос, Андрей.

В68 Аниматор / Андрей Волос. – Москва : Издательство «Э», 2016. – 304 с. – (Мастера прозы).

ISBN 978-5-699-92594-0

«Аниматор» – один из самых необычных романов нашего времени, причудливо сочетающий захватывающую фантастику сюжета и подробный психологизм стиля. Андрей Волос, лауреат «Русского Букера» за роман «Возвращение в Панджруд», в очередной раз нарушает собственные правила, чтобы удивить читателя. Его роман и остро сюжетен, ярко драматичен – и... лиричен, даже сентиментален. В нем есть и кровь, и чувственность, и боль, и нежность – все, что нужно для настоящей книги. Герой романа обладает редкой способностью чувствовать души недавно умерших и трансформировать их в цветное свечение. Чем больше смогут рассказать о покойном его близкие, тем лучше пойдет работа аниматора. Чем талантливей аниматор, тем ярче загорится огонь в загадочной «колбе Крафта». Блестящему профессионалу приходится воссоздавать души и террористов-смертников, и их случайных жертв, и «федералов». Ему предлагают опасные сделки в этом мире безумия... А писатель Волос думает о том, как обыграть судьбу, рок. Он знает: все мы хотим достичь бессмертия – и герои, и созерцающие их бег авторы. Догадки о судьбах, зажигание душ – чем не метафора писательского труда?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92594-0

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Anamnesis vitae est anamnesis morbi.

*Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана.*

М. Лермонтов

Пролог

Чтобы припарковаться, мне пришлось сунуть акулью морду своего «Форда-Просперо» далеко на тротуар.

Это не могло не вызвать законного раздражения многочисленных прохожих, поэтому я выбрался из машины и отошел метра на три в сторону. У меня не хватает мужества, чтобы выдерживать взгляды людей, получивших возможность персонифицировать конкретное зло.

Я стоял, поигрывая ключами и поглядывая в ту сторону, откуда должна была появиться Дарья. Ключи солидно позванивали. Я поймал себя на мысли, что человек, небрежно поигрывающий ключами, никого не введет в заблуждение. У этого человека взвинченный вид. И звенеть ключами — это плохой способ успокаивать нервы.

Радости я точно не чувствовал. Я вообще редко испытываю радость. Или, быть может, не знаю, что это такое. То есть переживаю ее — но не осознаю, что переживаемое

мной является радостью. И никто не разъяснит мне, что это именно она. Как мы можем объяснить другому, что чувствуем? Никак. Например: я вижу сигнал светофора — он зеленый. Спроси у любого из тех, кто мается в этой пробке, — всякий скажет: зеленый. Но, возможно, мы только называем его одинаково. Возможно, если мне вставить глаза соседа, я бы завопил: вы что тут все, сдурели?! он же фиолетовый! таких светофоров вообще не бывает!.. Сосед про свой неизвестно какой цвет знает, что его нужно называть «зеленым». Я — про свой. А какой он на самом деле — одному богу известно.

Так и с радостью. Покидая Анимационтер, я испытываю и неприятную опустошенность, и удовлетворение оттого, что эта опустошенность во мне присутствует: она означает, что я выложился. Это радость? Не знаю. Возможно, кто-нибудь скажет, что это, напротив, тоска, которую хочется залить глотком спиртного. Другой пример: наливая в стакан глоток спиртного (пусть по крайней мере это будет какой-нибудь приличный коньяк), я испытываю и сладкое предвкушение, и заведомую оскомины, — ведь предупреждают, что алкоголь вреден для здоровья, а я все равно выпью, сколько меня ни предупреждай. Это — радость?

Конечно, бывают и чистые радости. Боксерский удар волны в десяти метрах от пляжа, напор свежего ветра в лицо... или еще что-нибудь такое же курортное. А если ты не на курорте (а я совсем не на курорте), то понять, что такое радость, совершенно невозможно.

Я сунул брелок в карман и немного прошелся — пять метров туда, пять обратно. Гудяще-ревушая ули-

ца была до краев налита сизым туманом. Недавно пролился дождь, и фонтан в сквере выглядел ненужным. Клены ночью набросали листья. Два полупьяных придурка вяло шаркали метлами, отрабатывая свой утренний *eyes-opener*. Один почему-то то и дело нагибался. Должно быть, принимал пробки от пива за монеты. Метла вставала торчком, а сам он в эти мгновения напоминал Дон-Кихота — впрочем, отдаленно. Второй не тратил времени на пустяки и в целом смахивал на довольно развинченный и шаткий, но все же механизм.

Смысл предстоящей встречи был мне не до конца ясен. Если тебе звонят и...

— Привет!

Я повернулся. Она стояла в двух с половиной шагах от меня, и ничто не предвещало, что ей захочется преодолеть это небольшое расстояние, чтобы оказаться на дистанции поцелуя. Возможно, она ждала, что это сделаю я.

— Привет, привет...

Розово-сиреневое пальто... сумочка... подкрашенное лицо... холодно смотрящие глаза.

Я шагнул к ней и коснулся губами щеки.

— Ты стала похожа на Веру, — сказал я затем. Вера — это была Дашина тетка, сестра матери. Даша ее, признаться, недолюбливала. То есть, выходит, напрасно я это сказал. Но ведь нужно что-то сказать в первую минуту. Даже секунду. Вечно брякнешь что-нибудь этакое...

В ответ она усмехнулась с легким отворачиванием.

— Больше так не говори, пожалуйста.

— Почему? Как-никак родственница... — вяло продолжил я и осекся.

Помолчали.

— Куда пойдём? — спросил я.

— А на что можно претендовать?

— На что можно претендовать в половине девятого утра? Разве что на чашку кофе. Ты завтракала?

Она неопределенно пожала плечами.

Мы присели за столик в забегаловке, которую с приличными заведениями роднили только цены. Зато беспардонные вопли «Русского радио», в других местах звучащие в полную силу, здесь заглушались шипением и треском, с которым два поваренка волохали деревянными лопатами по раскаленным стальным плитам чадающие порции овощей и мяса.

— Будешь?

— Что?

— Вот это. Надо взять миску, набрать в нее вон с тех противней всякого сырья, а они поджарят. Это быстро.

— Я знаю. Мы иногда ходим с подружкой в похожие заведения... Нет, спасибо.

Снулая с ночи официантка поставила две чашки кофе, и я сказал:

— Ну? У меня не так много времени. Все-таки лучше было бы встретиться вечером. Поговорить спокойно...

— Я же говорю: прилетела на несколько дней, — сказала она, осторожно отпив и облизав такие знакомые губы. — Извини, у меня полно дел, все вечера были заняты. А сегодня самолет в четыре. Так что у меня тоже не очень много времени.

— Тогда не стоит тратить его попусту.

— Ну да. В общем, я вот что тебе хотела сказать...

И заговорила.

У нее был хорошо поставленный ровный голос.

Первые пять или десять минут я слушал молча.

Я помешивал кофе, каждый раз аккуратно кладя ложечку на блюдце, чтобы затем так же аккуратно взять чашку и окунуть язык в горько-сладкую жижу. Время от времени я поглядывал по сторонам на редкую об эту пору публику. Преобладали какие-то утомленные девицы — должно быть, с ночного — да черноволосые молодые люди в узконосых ботинках с пряжками, с перстнями на пальцах, явно привлекавшие внимание утомленных, но еще не вполне обезоруженных девиц. Короче говоря, я делал все, чтобы сохранить независимый и почти равнодушный вид — разумеется, не исключая выражения благосклонного внимания, предписанного правилами элементарной вежливости. Мне не хотелось показать ей, что каждая фраза, каждое слово буквально разрывают мое несчастное сердце на части.

В конце концов я не выдержал.

— Но подожди же, Даша! Я согласен, ладно: возможно, ты умеешь читать мысли. Более того, допускаю, что ты видишь меня насквозь. Если так, то в принципе ты имеешь возможность оценивать, насколько безответственным, самонадеянным, грубым, похотливым, жалким, скардным, равнодушным, невыносимым и гадким я был год, три или даже пятнадцать лет назад... Но как, скажи мне, ты можешь знать о моих черных помыслах

и мерзких поступках, которые имели место до твоего рождения? До, понимаешь?! До!

— Мне мама рассказала, — ответила она, пожав плечами.

Собственно говоря, другого ответа я и не ждал. Именно так. И вчера, и позавчера, и десять лет назад, и... нет, двадцать лет назад Даша еще не умела произносить столь связных речей. Как бы я себя ни вел, как ни старался бы проявиться из формы незначущей тени в форму более или менее интересующего ее человека, как ни ухищрялся бы сделать в ее душе хоть малую зарубку своими руками, — бесполезно: все, что она знает обо мне, ей рассказала *мама*. А все, что рассказала *мама*, — это бесчисленные тома обвинительного заключения. Все подшито и пронумеровано. Мене, текел, фарес. Защищаться бесполезно.

Разведя руками, я продолжал помалкивать, а Даша — говорить. Впрочем, скоро это несколько наскучило, и я принялся вставлять безобидные реплики и задавать столь же безобидные вопросы. Так, например, я осведомился, могу ли я иметь иное мнение.

— Разумеется, — кивнула она, окинув меня холодным судейским взглядом. — Но не забывай, что твое мнение субъективно.

— Ах, вот как! — сказал я. — Ты тоже имей в виду — именно сейчас, когда рассказываешь о подлостях, совершенных мною в твоём младенчестве, — что кроме субъективных мнений бывают еще и объективные показания. Вот, например, как обстояло дело у одной хорошо известной мне милой парочки. Он стирает пелен-

ки, а она командует: клади в таз. И, пока он кладет в таз, все у них более или менее спокойно. Но если, не дай бог, положит в раковину, — она бьет его тазом по голове и бежит вызывать милицию. Когда приезжает наряд, он достирывает, а она вопит и крушит мебель. Вопрос: сколько лет машинисту?

— Что ты имеешь в виду? — помедлив, спросила она. Я безнадежно махнул рукой.

— Да ничего я не имею в виду... Понимаешь, Дашуля, я тоже мог бы много чего рассказать. Но, во-первых, мне не следует говорить ничего такого, что могло бы хоть как-то повлиять на ваши с *мамой* отношения. Благодаря усилиям матери у тебя нет отца — так не хватало еще, чтобы благодаря усилиям отца у тебя не стало матери. (Даша фыркнула и покачала головой с таким видом, будто я сморозил что-то совсем несуразное.) Во-вторых, ты мне все равно не поверишь. Честно сказать, я и на самом деле чувствую себя виноватым. Знаешь почему? Потому что, однажды уйдя от твоей *мамы*, мне не следовало показываться вам на глаза до тех пор, пока ты не станешь взрослой. Возможно, кстати, если бы мы сегодня увиделись впервые, ты относилась бы ко мне, не ударившему ради тебя пальцем о палец, лучше, чем сейчас. Но дело в другом. А именно: ты выросла, наблюдая наш брак...

— Какой брак! Вы были в разводе!

— Именно брак, потому что брак — это не когда мужчина и женщина спят в одной постели или ездят в отпуск по одной путевке; и не когда они живут душа в душу, любят, уважают и обоюдно прислушиваются

к мнению супруга; и не когда они друг другу приятны и каждый томится, если второго нет рядом; и не прочая чепуха, милая моя Дашенька. А лишь одно: когда они совместно воспитывают ребенка. По этому определению наши отношения и после развода, несомненно, являлись браком. Причем брак этот ни мне, ни твоей маме не был нужен: мы не были влюблены, не хотели спать вместе, обоюдно хранили множество неприятнейших воспоминаний и не могли вызвать друг в друге ничего, кроме раздражения. Понимаешь? Так вот я и жалею о том, что ты выросла в такой искореженной, исковерканной семье. И, разумеется, восприняла некоторые стереотипы отношений между мужчиной и женщиной — тоже совершенно изуродованные, если сравнивать их с нормальными.

— А почему же ты не создал нормальных отношений? — фыркнула она.

Я вздохнул. Что сказать?

— Потому что всем управляла *мама*.

— Почему?

— Потому что считала нужным делать это. Потому что ей так было удобнее. Потому что приятно всем управлять. Потому что матери почти всегда всем управляют. Не знаю почему. Я одно знаю: когда я хотел сделать что-нибудь по-своему, она говорила: я с Дашей *живу*, а ты только *заходишь!*.. А если я настаивал, дело кончалось диким скандалом. Которых я старался избегать, потому что мне казалось, что они тебя травмируют. Короче говоря, приходилось слушаться. Черт ли сладит с бабой злою?

Даша смерила меня гневным взглядом.

— Это цитата, — пояснил я.

— Ну а я-то при чем? — с напором спросила она. — Вы ссорились... да, я помню. Но при чем тут я?

— То есть?

— Ну да, вот именно: почему я-то от ваших ссор страдать должна была? Почему ты вообще меня бросил? Ты, когда уходил, думал, что меня бросаешь?

Она смотрела на меня возмущенным прокурорским взглядом... и мне нечего было ответить. И впрямь, что сказать? Я думал об этом, да, думал, еще как думал! Чуть не спятил когда-то от этих раздумий. Но, Дашенька, *мама* меня не любила, а жизнь с женщиной, которая тебя не любит, совершенно невыносима. Мне пришлось уйти. Я не Сцевола. Не спартанец. Да если б и был спартанец, все равно бы ушел, — потому что жизнь дана не для того, чтоб тебе весь век прогрызали брюхо. А зачем женился, если не любила? — спросит она. Что ответить? По ошибке. По глупости. По неопытности. Возможно, что и по расчету. Но если так, то самую малость. Ведь я глупец, конечно, но все же не в такой мере, чтоб вовсе не иметь расчетов на возможность счастья — пусть и совершенно нелепых. Ах, по расчету! — гневно воскликнет моя дочь. — Вот видишь!..

Я смотрел на нее — когда-то такую маленькую, что умещалась буквально в ладонях, — и невольно проборматывал весь тот убогий катехизис, что почти всегда крутился в каком-то уголке мозга. Хотел ли ты лучшего? — Да, я хотел лучшего. — Делал ли ты все, что должен был делать? — Нет, я не делал всего того, что

должен был делать. — Знал ли ты, к чему это приведет? — Нет, я не знал, к чему это приведет. — Понимаешь ли ты свою вину перед дочерью? — Да, я понимаю свою вину перед дочерью. — Любишь ли ты ее? — Да, я люблю ее. — Хотел бы ты, чтобы она носила фамилию отца, а не матери? — Да, я хотел бы этого, но что толку? — Любишь ли ты детей? — Нет, с некоторых пор я не люблю детей. — Любишь ли ты по-прежнему женщин? — Да, женщин я по-прежнему люблю. — Хочешь ли ты детей от них? — Нет, я не хочу детей от них...

Я смотрел на нее и понимал, что мы чужие друг другу. И это уже навсегда, потому что к отчужденности сердечной прибавилась географическая. Полтора года назад в бедном ребенке со скоростью коклюша развилась бескомпромиссная страсть, и Даша вышла за Роберта — гордого британца небольшого роста. Через три месяца брак распался — видать, не сошлись характерами; но Туманный Альбион не отторгнул юную жертву житейского кораблекрушения. Более того, она позвонила через две недели после собственной свадьбы, чтобы ликующе сообщить: «Сегодня *мама* тоже вышла замуж! Я ей тоже нашла жениха по Интернету!» «То есть, — только и нашелся сказать я, — теперь вся моя бывшая семья — англичане?»

— Ну ладно, — вздохнула Даша. — Пожалуй, мне пора.

— Да, — хмуро согласился я. — Хорошо. Теперь снова на год?

— Можешь мне писать. — Она пожала плечами. — Вот телефон.

Я взял визитку.

— В четыре самолет.

— Ты говорила...

— Знаешь, очень боюсь террористов, — вдруг пожаловалась она и сложила ладони движением, которое должно было, видимо, означать окончание нашей встречи.

— Террористов? — переспросил я.

— Ну да. Всюду взрывают, уроды. Ну что, пока?

— Пока.

Мы уже стояли у ступеней.

— Не сердись на меня, Дашенька, — сказал я, целуя ее на прощанье. — Не сердись. Прости меня.

— Ну, пока! — повторила она и пошла вниз.

Я смотрел в спину, пока она не скрылась за поворотом, а потом побрел к машине.

Мне пора было двигать в Анимационный центр.

Меня всегда смущало противоречие, присутствующее в жизни каждого аниматора. Его профессиональный долг — пытаться вжиться в жизнь других людей, то есть воображать ее, делать почти осязаемой, почти реальной. Для того чтобы его попытки были хоть сколько-нибудь успешны, ему нужно быть знатоком жизни вообще — и, следовательно, своей собственной тоже, которая, по идее, должна быть ему совершенно понятна и близка.

Ни черта подобного. В своей — не разберешься.

Я знал, что несколько дней буду вновь и вновь промолачивать детали нашего разговора, пытаться отклонить обвинения, восторженно находить доводы в свою

защиту, которые почему-то не нашлись вовремя... иногда обнаруживать на себе недоуменные взгляды — оказывается, три последние фразы я сказал вслух. Знал я и то, что это не имеет никакого смысла: задача не решается на логическом уровне, и какими аргументами ни запасайся, их всегда можно будет отвергнуть одним лишь взглядом. Я вспомнил почему-то, как тем летом, когда Даше должно было исполниться двенадцать, я отвез обеих в пансионат, условившись приехать в следующий четверг, остаться с Дашкой, а маму отпустить на три ночи. Однако случилось непредвиденное: в среду утром умер дядя Гоша. Великан дядя Гоша умер. Мне трудно было в это поверить — как же так, кто теперь будет гроыхать и командовать?.. Я позвонил маме и сообщил о случившемся. Дядю Гошу она когда-то знала, однако относилась к нему, как почти ко всем людям с нашей стороны, с плохо скрытым презрением, поэтому у меня не было надежды, что этим известием я смогу ее хоть сколько-нибудь расстроить. Так оно и вышло — она ничуть не расстроилась.

— Погоди. Ничего не понимаю. Ведь ты обещал в четверг — и до воскресенья!

— Я же говорю, — повторил я, решив, что она просто не расслышала. — Дядя Гоша утром умер. В пятницу похороны. Я должен быть на похоронах, понимаешь? Я приеду в пятницу вечером, с поминок.

— С каких поминок? — холодно изумилась она в тот момент, а я и сейчас, десять лет спустя, отлично мог вообразить ее: глаза сощурены, губы поджимаются в паузах между фразами. — Ты же обещал в среду вечером!

О-бе-щал! Ты обещал! Ты мне обещал! Ты Даше обещал! Ты что, не помнишь, что ты обещал? Ведь ты обещал, понимаешь? Обещал, обещал! Я на тебя рассчитывала! Как можно — обещать и не делать?!

Вот так *мама* ставила вопрос — а теперь его так же ставит Даша. Я ее в детстве обманывал: обещал — и не делал. Обманывал, когда она была маленькой и не могла за себя постоять...

Вот так.

Ну и ладно. Все равно мне горько. Потому что Даше хуже, чем мне. У меня нет дочери. Ну и что? Если захочется, я могу завести другую. Хоть никогда этого не сделаю. Но чисто теоретически — могу. А у Дашульки нет отца. И уже не будет, потому что другого отца не бывает — не бывает, хоть расшибись. И если не можешь любить того, что есть, — приходится признать себя безотцовщиной.

Беда, как всерьез об этом подумаешь.

Глава 1

Остановившись у двери бокса, я натыкал пальцем код — k1r-23–25.

Щелкнул замок, дверь открылась.

Над пятью соседними боксами уже горят тревожные синие лампы. Выходит, ты, дорогой Бармин, как всегда, появился последним. Бог ты мой, почему же я всегда опаздываю? Ладно, сейчас захлопну дверь, и над ней тоже вспыхнет синяя лампа, показывая всем, что аниматор уже на посту, аниматор занят, аниматор делает свое дело, и ему ни в коем случае нельзя мешать, потому что исход волшебства целиком зависит от его сосредоточенности.

Белые стены и блестящий черный пол бокса залиты светом люминесцентных ламп. Но гудят не они, а установка фриквенс-излучения — это ее едва слышный мягкий гул обволакивает все, что есть в боксе. Меблировка небогатая — крохотный столик (на нем лежит стопка регистрационных карточек — сколько там? — штук пятнадцать, наверное, совсем сдурели, скоро сотнями будем анимировать), два кресла и... И больше, собственно говоря, ничего, кроме самой установки. Длинный стальной параллелепипед подъемника, дуги фриквенс-излучателей над ним. В фокусе центрального излучателя расположена колба Крафта — сердце (а китаец бы сказал — печень) всей затеи, главное, ради чего мы здесь